

Вся жизнь Людмилы Садомской связана с цирком. Ее отец — Михаил Садомский — был известным иллюзионистом.

Людмила унаследовала профессию отца.

А еще Людмила пишет. Сегодня мы предлагаем несколько ее новелл из сборника «Межуары на листках блокнота», который, надеемся, увидит свет.

Администратор

Несмотря на то, что в 1954 году мне было всего 3 года, я — участница подъема целины, хотя и несколько косвенным образом.

В октябре 1954 года «Цирк-объединение» направило в город Акмолинск (позднее — Целиноград), где была база формирования всех коллективов для культурного обслуживания целинников, бригаду в таком составе: Г. Родин — «клоун-коверный», М. Садомский — «иллюзия и манипуляция», Л. и Г. Отливанник — «комические жонглеры».

Поскольку никакого своего жилья мы не имели, мама сопровождала своего мужа во всех поездках, разумеется, вместе со мной.

Самым «высотным» зданием Акмолинска была 2-этажная деревянная гостиница, в которую и явилась наша бригада в полном составе.

Что там делалось!

Со всей страны понаехали командированные — начальники всех рангов. Хорошо, что все они были при портфелях: эти портфели очень пригодились в гостинице, по сравнению с которой Ноев ковчег — пустыня Сахара. Каждая ступенька деревянной лестницы была обжита каким-нибудь командированным, дремавшим, положив голову на более или менее пухлый портфель.

Увидев это столпотворение, мама ахнула, но больше деваться было некуда, и мы тоже по-семейному расположились на ступеньке, так как единственная дежурная еще с порога объявила нам, что мест нет.

Поерзав на жестком своем сиденье, я пожаловалась родителям, что мне так совсем не нравится.

— А ты пойдй вон к той тетеньке, она здесь хозяйка, — посоветовал папа.

— Тетя, я спать хочу! — сообщила я тетеньке.

— Иди, девочка, к маме, — довольно раздраженно ответила та.

Я послушно пошла к маме, но усидела недолго.

— Тетенька, я устала и хочу спать, — захныкала я, ища сочувствия.

— Ну что я могу сделать, пойдй к своей маме, — снова отправила меня дежурная.

Ходить жаловаться тетеньке все-таки интереснее, чем смиренно сидеть на жесткой ступеньке после семисуточной дороги в поезде.

— Тетенька, я очень-очень хочу спать, а на ступеньке мне плохо, — явившись с очередным визитом к дежурной, поделилась я своими впечатлениями.

— А где твой папа работает? — спросила тетенька.

— В цирке, — ответила я. Слово «цирк» я еще не выговаривала.

— В ЦИКе? — переспросила почему-то тетенька.

— Да, в цирке, — подтвердила я.

— А который твой папа, деточка?

— Вон тот, самый красивый, — гордо показала я пальчиком.

— Ну иди пока, деточка, и мамочке, — ласково сказала тетя и подмигнула папе.

Папа немедленно поднялся и вышел вместе с тетенькой на улицу.

— Давайте ваш паспорт и поднимайтесь на второй этаж, только, пожалуйста, не привлекайте к себе внимания, — шепотом сказала дежурная.

...Когда цирковой администратор, вернувшись от самого высокого местного начальства, огорченно сообщил папе, что

ЛИСТКИ ИЗ БЛОКНОТА

ничего, ну абсолютно ничего невозможно сделать, папа отвел его на второй этаж, где в крохотной комнатке мы с мамой мирно спали в одной кровати.

— Кто же тебя устроил, Миша?!

— Вот он, мой администратор, — показал на меня довольный отец. — Проснется, поделится с тобой опытом.

Владимир Ильич

Ко времени моего рождения, в 1951 году, у папы был уже целый иллюзионный аттракцион. Ассистировали ему моя мама и лилипуты. Впрочем, лилипуты не любят этот термин, и сами себя они называют «маленькие».

Своих «маленьких» папа разыскивал по деревням.

Ванечка, самый маленький из «маленьких», служил в колхозе, согласно записи в его трудовой книжке «сторожем полей и огородов». В его обязанности входило распугивание птичьих стай, охотчих до урожая.

Машенька, долгое время упорно не поддававшаяся на уговоры снять платочек с головы, называла меня «мой стаж», так как она впервые вышла на сцену в день моего рождения. Уже в четырехлетнем возрасте я переросла свою милую няню.

Но главным помощником в аттракционе был, несомненно, Владимир Ильич.

Во время концертов папа обращался к своим ассистентам исключительно по имени-отчеству. А поскольку все трюки сопровождалась текстовыми заставками, то и дело слышалось обращение «Владимир Ильич».

Как-то после вечернего выступления в гостиничном номере зазвонил телефон.

— Это артист Садомский? Завтра в 9.00 явитесь по такому-то адресу в такую-то комнату.

В трубке зазвучали долгие гудки: на том конце провода сочли разговор законченным.

После бессонной ночи ровно в 9.00 папа входил в кабинет районного сотрудника НКВД.

— Садомский, как вы называете своего лилিপута?

— Которого, товарищ капитан? У меня их трое.

Сидевший в глубине кабинета довольно молодой человек, одетый в штатский костюм, встал и весь вытянулся по стойке «смирно»:

— Он называет его «Владимир Ильич», товарищ капитан!

— Почему вы так называете своего лилипута?

— Потому что он по паспорту — Владимир Ильич.

Дверь открылась, и в кабинет молча вошел начальник районного отдела НКВД.

Оба сотрудника вскочили.

А начальник все так же молча прошел и почти плюхнулся на стул. Похоже, что он был с похмелья, и у него раскалывалась голова.

Допрос продолжался.

— А если бы твоего лилипута звали по паспорту Иосиф Виссарионович, как бы ты тогда к нему обращался? — завизжал капитан.

— Так бы и обращался: Иосиф Виссарионович, — поблдевав, ответил фокусник.

Повисла зловещая пауза.

Неожиданным спасителем оказался начальник. Ему вдруг стало скучно.

— Разве вы не видите, что перед вами полный дурак? — разочарованно сказал начальник.

И, повернувшись к отцу, рявкнул:

— Вон отсюда и чтобы твоего паршивого духа в нашем городе не было!

...Через два часа аттракцион в полном составе трясся в набитом общем вагоне первого попавшегося поезда.

Реклама

Чем наши сегодняшние газеты и телепередачи больше всего отличаются от публикаций и программ, ну, скажем, пятилетней давности? Правильно, обильем рекламы.

Обыватель стонет и пишет гневные письма, что его уже тошнит от всех этих «Сэлдомов» и «Ле Монти». А вы думаете, раньше рекламы не было? Это телевидения раньше не было, а вот реклама существовала всегда. Наглядная, живая, что называется — из уст в уста.

В конце сороковых годов для гастролей в городах районного масштаба объединились два аттракциона: все первое отделение развлекало публику иллюзионист Садомский со своими лилипутами, а во втором отделении грандиозного концерта показывал чудеса силы борец и атлет Дмитрий Айвазов.

Разговаривал Айвазов с чудовищным кавказским акцентом и внешний вид имел довольно устрашающий. Он таскал гири зубами, рвал цепи, гнул гвозди руками, а свое выступление заканчивал следующим высокохудожественным текстом:

— Чтобы быть готовым к труду и обороне нашый любимый Родина, закаляйся и тренируйся, и будишь такой здоровый, как я!

Первым в город приезжал администратор, арендовавший самое вместительное в городе помещение, он же расклеивал в наиболее людных местах объявления о предстоящем концерте.

На другой день на балконе гостиницы устанавливался стол, за который при некотором стечении любопытных усаживался Айвазов. И начиналось шоу под кодовым названием «Силач обедает».

Все члены концертной бригады по очереди выскакивали на балкон с очередной тарелкой. Что именно и в каком количестве лежало в тарелке, толпе (а через несколько минут действия уже неизменно собиралась толпа празднично шатающихся граждан города, включая — и это главное! — шустрых ребятишек), так вот толпе снизу еды видно не было, но зато все с восторгом наблюдали, как бешено работали челюсти силача. После каждого блюда Айвазов, сверкая глазами, орал на всю улицу: «Еще давай! Еще!» А бедные лилипуты, утирая пот, все бегали и бегали с новыми переменами блюд.

По окончании шоу Айвазов, не обращая внимания на публику, отправлялся отдохнуть, а шустрая ребятня тут же разлеталась по городу умолять своих родителей купить билеты на концерт силача, который в их пересказе выглядел уже просто великаном.

Если планировался еще один концерт на завтра, то после аншлагового (а как же иначе!) представления вся компания направлялась ужинать в местный ресторан.

— Официант! — гремел в ресторане Айвазов. — Принеси мне живой кур. Понимаешь, нужна взять живой кур и окунуть его в кипяток, а потом вынуть, палажить на тарелку, пасыпать перцем...

Официант слушал с вытаращенными глазами.

— А, ты сейчас все пирипутайшь, види меня к вашему шеф-повару!

И Айвазов в сопровождении официанта отправлялся на кухню, где делал нормальный заказ.

Естественно, что на завтра находились очевидцы, которые сидели как раз за соседним столиком в то время, когда заезжий силач ел неоципанную живую курицу.

Второй аншлаг был обеспечен.